

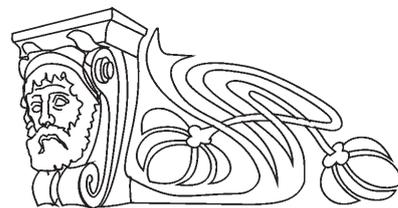

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 37–44
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 37–44
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-37-44>, EDN: JXRQJ1

Научная статья
УДК [130.2+316.7](470+571)

Проблема трансформации традиционного российского религиозно-этического идеала в нравственной жизни советского общества и государства

А. В. Сокол

Кубанский государственный университет, Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Сокол Алексей Валерьевич, аспирант кафедры социальной психологии и социологии управления, mr.sokol_alexey@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7409-7957>

Аннотация. Введение. В статье исследуется процесс трансформации традиционного религиозно-этического идеала, укорененного в русской православной философии, в нравственную систему советского общества. Анализируется феномен «субстанциальной нравственности» раннего СССР, основанной на непосредственном подчинении личности всеобщей государственной цели. Выявляется внутреннее противоречие этой системы, заключающееся в подавлении субъективной свободы и моральной рефлексии, что в конечном итоге привело к ее кризису и распаду. **Теоретический анализ.** В работе используется методология классической диалектики (всеобщей диалектики мышления и бытия в парадигме гегелевского абсолютного идеализма и ее рецепции в русской и советской философии) как опыт логико-исторической концептуализации изучаемого феномена. Рассматривается диалектическая взаимосвязь между советским коллективизмом и христианской идеей соборности, а также роль русской религиозной философии в осмыслении этого исторического феномена. **Заключение.** Анализ процесса трансформации российского исторического религиозно-этического идеала в советском обществе выявляет диалектику движения понятия «народного духа» от православной соборности к субстанциальной нравственности, а затем, через профанацию этого идеала в идеологии атеистического социализма и коммунизма, через моральный кризис и разложение этого идеала к всеобщей, «соборно-интегральной» государственности России XXI века.

Ключевые слова: религиозно-этический идеал, православная соборность, советская нравственность, большевизм, трансформация морали, русские религиозные философы, субстанциальная нравственность, индивидуализм, кризис советского общества

Для цитирования: Сокол А. В. Проблема трансформации традиционного российского религиозно-этического идеала в нравственной жизни советского общества и государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 1. С. 37–44. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-37-44>, EDN: JXRQJ1

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of transformation of the traditional Russian religious and ethical ideal in the moral life of Soviet society and the state

A. V. Sokol

Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russia

Alexey V. Sokol, mr.sokol_alexey@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7409-7957>

Abstract. Introduction. The article examines the process of transformation of the traditional religious ethical ideal rooted in Russian Orthodox philosophy into the moral system of Soviet society. The phenomenon of the «substantial morality» of the early USSR is analyzed, a morality based on the direct subordination of the individual to an overarching state goal. The internal contradiction of this system is revealed, consisting in the suppression of subjective freedom and moral reflection, which ultimately led to its crisis and disintegration. **Theoretical analysis.** The study employs the methodology of classical dialectics (the universal dialectics of thought and being within the paradigm of Hegelian absolute idealism and its reception in Russian and Soviet philosophy) as an experience of the logical historical conceptualization of the phenomenon under study. The dialectical interrelation between Soviet collectivism and the Christian idea of sobornost (conciliarity) is examined, as well as the role of Russian religious philosophy in interpreting this historical phenomenon. **Conclusion.** An analysis of the process by which the Russian historical religious ethical ideal was transformed within Soviet society reveals the dialectics of the movement of the concept of the «national spirit» from Orthodox sobornost to substantial morality, and then – through the profanation of this ideal in the ideology of atheistic socialism and communism,

through the moral crisis and disintegration of this ideal – toward a universal, «conciliar integral» statehood of Russia in the twenty first century.
Keywords: religious and ethical ideal, Orthodox sobornost (catholicity), Soviet morality, Bolshevism, moral transformation, Russian religious philosophers, substantial morality, individualism, crisis of Soviet society

For citation: Sokol A. V. The problem of transformation of the traditional Russian religious and ethical ideal in the moral life of Soviet society and the state. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 1, pp. 37–44 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-1-37-44>, EDN: JXRQJI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования проблемы трансформации традиционного религиозно-этического идеала в СССР обусловлена глубоким кризисом нормативных оснований в современном мире. Секуляризация, утрата трансцендентных ориентиров и моральная дезориентация личности требуют переосмысления духовных основ общежития. Русская религиозная философия первой половины XX века, сформировавшаяся в ответ на революционные потрясения, предложила уникальный синтез христианской традиции и социальной мысли, актуальный для анализа как советского, так и современного российского общества.

Традиционный российский религиозно-этический идеал, сформированный православием, претерпел радикальную трансформацию в советском обществе, где атеистическая идеология марксизма-ленинизма попыталась заменить трансцендентные ориентиры имманентными социальными конструкциями. Эта трансформация, начавшаяся с революции 1917 года, привела к созданию «субстанциальной нравственности» – объективной, наивной формы морали, подчиненной государству, но в итоге обернулась внутренним конфликтом между коллективным благом и индивидуальной свободой. Выдающийся советский философ, социолог и писатель А. А. Зиновьев, анализируя этот феномен в книге «Коммунизм как реальность», называл эту систему «коммунальным человеком», чье поведение полностью детерминировано законами коллектива: «Нравственность в коммунистическом обществе – это не внутреннее убеждение, а форма социального поведения, предписанная обществом и контролируемая им» [1, с. 178].

Традиционный российский религиозно-этический идеал до революции 1917 года коренился в православной традиции соборности, где личность гармонично вписывалась в общинное единство, освященное божественным замыслом. В отличие от западного индивидуализма

русский идеал подчеркивал диалектику индивидуального и всеобщего, где свобода духа реализовывалась через служение и любовь к ближнему.

Кризис традиционного идеала был вызван революцией 1917 года, которая, по сути, стала антитезисом христианскому тезису. Большевик, отвергнув трансцендентные ориентиры, заменил их материалистической идеологией, где государство стало квазибожественной субстанцией. Н. А. Бердяев в «Истоках и смысле русского коммунизма» писал: «Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны, он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское, национальное» [2, с. 5], подчеркивая, что большевик извратил русскую идею мессианства, превратив ее в атеистический коллективизм [3, с. 17]. Эту глубокую и оригинальную «метафизическую» оценку русского социализма и коммунизма Бердяев ранее высказал в своей знаменитой книге «Новое Средневековье» [4].

С. Н. Булгаков видел в большевизме «отравление духовным ядом», где власть комиссаров духовно разрушила душу народа, подобно погрому [5]. И. А. Ильин предупреждал, что советская система отвергает свободу личности, навязывая «самовластье» без уважения к человеку [6].

В советском обществе религиозно-этический идеал адаптировался через формирование «субстанциальной нравственности» – объективной, не рефлексивной формы, где индивид подчинялся государству как высшему благу. С 1930-х годов эта нравственность определяла жизнь: личное подчинялось коллективному, а добро выступало как предзаданное в законах и идеологии [5].

Н. А. Бердяев по этому поводу справедливо отмечал, что «большевизм был извращенным, вывернутым наизнанку осуществлением русской идеи, и потому он победил» [7, с. 56], видя в нем искаженную соборность. А. А. Зиновьев в интервью 1990-х годов говорил: «Метили в

коммунизм, а попали в Россию!» [цит. по: 8], указывая на вынужденную адаптацию национальных традиций. Эта адаптация позволила проявиться достижениям (индустриализация, победа в войне), но подавляла свободу.

Сегодня, когда современный мир переживает кризис нормативных оснований – те формы свободы, прав и индивидуальной автономии, которые были достигнуты в ходе Нового времени, обернулись внутренним отчуждением личности, разложением общинных связей и утратой метафизического смысла социальной солидарности.

В эпоху глобальных цивилизационных трансформаций, когда секулярные идеологии сталкиваются с кризисом этических основ общества, обращение к социально-этическому идеалу христианства приобретает особую значимость. Первая половина XX века в России стала периодом острого историософского поиска, где революционные потрясения и эмигрантский опыт породили уникальный синтез христианской традиции и социальной мысли. Русская религиозная философия этого времени предложила диалектическое осмысление христианства как динамического принципа общественного устройства, преодолевающего антагонизм индивидуализма и коллективизма.

Теоретический анализ

Русская религиозная философия первой половины XX века явилась мощным интеллектуальным ответом на кризис христианского мира, начавшийся в первой четверти XX века. Мыслители, пережившие катастрофу революции, изгнания и духовного разрыва между Церковью и культурой, попытались выстроить новое понимание христианского идеала – не как абстрактного догмата или внешней морали, но как живого социального принципа. Их философские поиски объединяет стремление раскрыть в христианстве источник всеобщей, субстанциальной нравственности, которая преодолевает односторонность индивидуализма и возрождает внутреннее единство личности и общества.

По своей сути, вопрос о трансформации и определенной мощной «профанации» традиционного российского религиозно-этического идеала в нравственном укладе советского общества и государства есть вопрос о соотношении свободы и всеобщности, субъективного

и субстанциального. Христианство, раскрыв в мире абсолютную свободу духа, одновременно утверждает её как служение – как любовь, как жертвенное участие в бытии другого. В этом смысле его идеал не устраняет диалектику индивидуального и всеобщего, но поднимает её на высший уровень, где противоположности примиряются в духе.

Для того чтобы разобраться в данной философско-исторической и религиозно-этической коллизии, мы должны, отталкиваясь от опыта диалектической концептуализации социально-этических воззрений русских религиозных философов первой половины XX века, обратиться к фундаментальным предпосылкам их формирования в контексте новоевропейской рефлексии. Эта рефлексия, коренящаяся в кантовской критике чистого разума и практического разума, представляет собой поворотный момент в истории философии, где нравственность перестает быть статичной нормой античного космоса и становится динамическим принципом субъективной свободы. Как отмечает Г. В. Ф. Гегель: «Право субъекта получить удовлетворение, или, что то же самое, право субъективной свободы, составляет поворотный и центральный пункт в различии между античностью и Новым временем. Это право в его бесконечности высказано в христианстве и сделано всеобщим действенным принципом новой формы мира» [9, с. 232]. Однако в отличие от гегелевского синтеза, где эта свобода объективируется в этическом государстве, новоевропейская мысль, начиная с И. Канта, фиксирует её в абстрактном «должном», игнорируя диалектическое движение к конкретному.

Русская религиозная философия первой половины XX века, возникшая на фоне революционных потрясений, представляет собой уникальный ответ на эту рефлексия. Такие мыслители, как Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, наследуя славянофильскую традицию соборности, интегрируют гегелевскую диалектику в христианский контекст, где тезис индивидуальной свободы (как образа Божьего) сталкивается с антитезисом коллективистского материализма большевизма, приводя к синтезу богочеловеческого всеединства.

Эта концептуализация позволяет понять, что новоевропейская рефлексия, начиная с Р. Декарта и И. Канта, акцентирует субъективную автономию, но в русской философии она преобразуется в диалектический процесс,

где свобода не изолирована, а интегрирована в соборное единство. Логика развития этой рефлексии – от абстрактного «я мыслю» к конкретному этическому обществу – находит в русской мысли своё завершение через Троицу как модель диалектики.

В связи с необходимостью точного категориального различения понятий морали и нравственности, установленного классической европейской философией, необходимо обратиться к следующим вопросам: присутствует ли субстанциальная нравственность в тех государствах, которые на официально идеологическом уровне заявили об атеистическом характере социально-политического устройства, идеологии, образования, искусства, культуры? Каков здесь характер соотношения морали и нравственности? Рассмотрение этого вопроса на примере нравственного строя жизни советского общества позволит также раскрыть внутренний конфликт субстанциальной формы нравственности, необходимо порождающий её надлом и движение к собственно *моральному* воззрению.

С философско-исторической точки зрения дух развитого советского общества (особенно в сталинский и хрущевский периоды) определялся принципами нравственности как объективно данной реальности «коллективно-государственной» и партийной жизни. Это такой специфический тип нравственности, для которого характерна постоянно увеличивающаяся мощь противоречия между индивидуальной и внутренней, духовной свободой личности и подавляющей ее необходимостью бесконечно растущих идеологических общегосударственных и партийных интересов

В 1930–1950-е гг. в СССР сформировался уникальный нравственный уклад, который в тексте определяется как объективная, «сущая нравственность» или «субстанциальная нравственность». Ее смысл определялся тем, что личностно-духовная самобытность человека растворялась во всеобщности целеполагания идеологии партийно-государственного бытия. Советский гражданин видел смысл своей жизни не в опыте своего собственного теоретического или практического мышления, не в моральном целеполагании и следующим из него истинном патриотизме, а в догматически навязанной с детства доктриной коммунистического идеала своего государства.

Таким образом, наиболее существенным результатом тех фундаментальных изменений

в жизни нашей страны в советскую эпоху выступило становление того интеллектуально-нравственного бытия, в котором утвердилось абстрактно-рассудочное («наивное») субстанциальное общественно-государственное единство, искусственно подавляющее всякое существенное различие, идейное множество, а значит, и саму духовную свободу как разумную и необходимую цель саморазвития народа во всемирной истории. Это так называемая не знающая себя и наивная нравственность с ее политической мифологией вождизма и «светлого будущего», некритического массового мышления, воспитания и образования, слабой индивидуальной ответственностью и т.д.

В советское время субстанциальная необходимость персоналистского начала в человеке, его индивидуального государственного самосознания, способности брать на себя творческую инициативу, а также чувства глубинной личной ответственности за судьбу своего народа и общества («Где с пулей встань, где с винтовкой ложись, где каплей лейся с массами...» [10, с. 267]) была почти полностью подавлена и поглощена абстракцией партийно-коммунистической государственной воли. Каждый конкретный человек в этой системе считает, что живет и работает, наслаждается жизнью и судьбой только ради своего Отечества, ради «истины всеобщей государственной цели», которой, «если необходимо», можно отдать все, вплоть до личного достоинства, свободы своего мышления, частной собственности и даже жизни («с такую землю пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть» [10, с. 267]).

Таким образом, внутренний моральный и нравственный облик советского гражданина был обусловлен не свободно и разумно достигнутой истинностью духовного уклада своего государства, а, как правило, навязанной догматически и извне идеологией, системой воспитания и образования, партийно-государственной машины с ее пропагандой и массовой практикой разнообразных репрессий против относительно свободно мыслящих людей.

В связи с этим интуиция блага и добра для советского человека выступала в качестве «очевидной» и «всеобщей» данности его повседневного бытия в своем государстве и не определялась им самим действительным образом, не вырабатывалась из внутреннего личного и гражданско-правового самосознания. Соответственно, само это самосознание неизбежно ста-

новились очень хрупким и внутренне неустойчивым, подверженным различным «идейным эрозиям» и глубинным трансформациям, вплоть до его полного разрушения (что, собственно, и произошло в эпоху перестройки и закономерно завершилось в 1991 году крушением СССР).

Благо и добро определялись как «данные сверху» «несокрушимые истины», как «государственно-идеологические святыни», благодаря которым только и существует мощь всего советского государства, всей сверхдержавы, объединившей в годы холодной войны почти половину стран «не-западного» и социалистического пути развития. Для обычного советского гражданина все эти государственные нравственные и общественно-правовые устои были *святы и не могли быть подвергнуты разумному критическому осмыслению*, были квазибогословскими и псевдотеократическими *credo*.

Таким образом, к 1950-м годам социально-нравственный идеал советского государства был окончательно сформирован, утвердив в системе всеобщей коммунистической идеологии свое хоть и одностороннее-имперсоналистское и «диалектико-материалистическое», но все же субстанциальное содержание, свой путь и неустойчивую, но внешне грандиозную мощь.

В связи с этим необходимо отметить, что действительное народное единство выступает насущным религиозно-этическим идеалом, первопринципом национальной идентичности, без которой не устоит ни одно реальное государство. Особенно если оно претендует на статус творца мировой истории, активно действующего субъекта всемирно-исторического процесса.

Советская общественно-политическая система опиралась на особый тип нравственного уклада, в котором личные интересы и индивидуальная воля почти не имели собственного значения вне общего дела. Именно эта опора на коллективное, на ощущение общей нравственной основы долгие годы обеспечивала государству внутреннюю прочность и целостность. Благодаря этому советское общество и государство смогли пройти через тяжелейшие испытания: коллективизацию, индустриализацию, войну, послевоенное восстановление. СССР совершил рывок в космос, обеспечил расцвет фундаментальной и прикладной науки, высшего, среднего и профессионального образования, здравоохранения и искусства, а также достиг статуса сверхдержавы.

Но такое нравственное единство может быть жизнеспособным лишь тогда, когда оно не подавляет свободу личности, а включает её

в себя, позволяя индивиду ощущать, что его собственные решения и стремления – часть общего. Если же индивидуальная воля полностью подчиняется общему началу, то она утрачивает жизненность. И наоборот, всеобщий нравственный порядок, игнорирующий свободу личности, тоже перестаёт быть устойчивым. Поэтому подлинная нравственная система не может существовать без соединения двух начал: общего нравственного единства и субъективной свободы, морального выбора личности.

Советская модель, хотя и допускала наличие личного взгляда на мораль – в форме стремления к счастью или этики долга, всё же относилась к индивидуальному мнению, частным интересам и личному своеобразию как к чему-то вторичному, несерьёзному, а порой и вредному. Особенность человека считалась чем-то, что может нарушить единый ритм государственного действия, даже если проявлялась лишь во внешнем виде или поведении. В результате индивидуальность оказалась лишена возможностей свободного развития, а фундаментальные личные права от собственности до свободы творчества и научного поиска были серьёзно ограничены. Из-за этого единство нравственного уклада стало односторонним и потому неполноценным.

Свобода личности, не будучи признанной законной и нравственной, воспринималась как угроза: как подрыв существующих устоев, разрушение идеологического фундамента. Первым намёком на то, что эта система начала внутренне трескаться, стала ирония, которая получила широкое распространение в советской культуре 1960-х годов.

Степень подавления субъективной свободы менялась в разные периоды, но неизменным оставалось главное: именно игнорирование бесконечного права личности на самостоятельный моральный выбор мешало развитию общества и в итоге привело советский строй к внутреннему ослаблению и распаду. СССР рухнул не столько от внешнего давления, сколько под тяжестью собственного конфликта между всеобщим укладом и свободой индивида.

Интересно, что в середине 1980-х годов на короткое время возникло шаткое равновесие: личное самосознание стало чувствовать себя более свободным, не разрушая ещё полностью общего нравственного поля. Но вскоре индивидуальность «отделилась» от общности окончательно, поставив своё субъективное мнение выше прежних норм, законов и идеологий.

С этого момента господствующей стала не традиционная, объективно заданная нравственность, а моральная позиция субъекта, который признаёт истинным лишь то, что соответствует его внутренней уверенности.

Главным последствием такого переворота стало то, что мощное «освобождение» личности вступило в противоречие с существующими культурными и государственными формами – и во многом продолжает противоречить им. Подобно настроениям второй половины XIX века, в обществе возникла жажда индивидуальной жизни, где благо перестало восприниматься как нечто единое и всеобщее. Теперь человек видит смысл в достижении частных целей, определяемых его желаниями, склонностями и интересами. Мерилом добра стало индивидуальное убеждение, основанное лишь на внутренней уверенности человека в себе самом. Эта установка пронизывает сегодня культуру, образование и научное мышление.

Только недавно стало заметно, что такая «безграничная» свобода личности обернулась утратой более глубокого, субстанциального содержания жизни. Понимая невозможность возврата к прежнему единству, общество начинает искать новые пути организации государственности и социальной жизни. Но важнейший вопрос – воспитание подлинно свободной и при этом внутренне содержательной личности – остаётся недостаточно осознанным.

Главная задача сегодня – воспитать, точнее помочь человеку воспитать в себе, не просто произвольное чувство свободы, но сознание, ориентированное на истинное добро, на разумное всеобщее содержание. Это требует перехода от софистической позиции «истина – то, что я считаю истинным» к сократо-платоновскому пониманию: добро, истина, красота и закон – это объективная цель, которая открывается разуму и требует реализации без оглядки на личный произвольный выбор. Свободное принятие этого убеждения могло бы стать вершиной морального развития личности.

Конфликт между государственным началом и свободой личности вовсе не уникален для СССР. Он сопровождает всю историю Европы с тех пор как древние родовые общества уступили место политическим. С того времени личное и общественное благо никогда полностью не совпадали, и задача государства всегда – обеспечивать социальную интеграцию там, где индивидуальные интересы не приводят к гармонии сами по себе.

Ещё раз отметим, что показанная выше нравственная коллизия советского общества не уникальна. Напротив, по верному утверждению П. Козловски, «...дуализм государства и общества в Европе является основной константой европейской истории с момента разрушения архаических (кровнородственных) обществ и появления общества, политически организованного – греческого полиса. Однако дуализм этот впервые был осознан лишь в Новое время, в либеральной теории общества. С этого момента в истории не существовало более единства индивидуального и общественного блага. Эгоистические наклонности индивида не ведут к гармонии или социальному оптимуму. Поэтому социальная интеграция осуществляется государством посредством права Власть легитимизируется не сакрально, а путем общественного договора» [11, с. 67].

Диалектика всемирной истории свидетельствует о том, что только разумное и гармоническое единство личного и общественно-государственного, индивидуального и коллективного начал может быть основой для действительного и жизнеспособного государства, прошедшего в своем духовно-историческом развитии все особенные и односторонние моменты объективного духа, своего субстанциально-нравственного бытия. И сегодня такой уникальный исторический момент для России наступил. Как справедливо замечает по этому поводу выдающийся санкт-петербургский философ Е. С. Линьков: «Современное состояние мира и есть та всемирно-историческая фаза, на которой все разумное необходимо становится действительностью... Мы стоим на грани выступления государства в его собственной природе, в его собственном понятии: впервые исторически должен выступать момент всеобщности государства. Если государство начинает выступать в моменте всеобщности, оно уже не может быть организацией отдельного класса. Почему? Потому что тогда оно создает частную, особенную форму своего бытия и не соответствует природе государства. Следовательно, мы на грани всемирно-исторической утраты всех исторических форм государства и всех исторических форм общества, их исторически необходимого отрицания. Эти формы сами пришли к самоотрицанию... Россия, следуя своему собственному закону развития, прошла все основные ступени развития исторического процесса. Впервые в истории человеческого рода она соединила всеобщую цель государства и индивидуальный интерес каждого человека» [12].

Таким образом, уже к середине XX века мировая история прошла все особенные, исторически необходимые, но и одновременно конечные и несовершенные формы религиозно-нравственно опосредованные системы общественно-государственного бытия. Возврат к ним и невозможен и не нужен. Он обречен на неизбежное поражение и ничего кроме бессмысленных страданий народу принести не может. И, как свидетельствует российская история XX века, российский народ уже в полной мере испытал и превратность имперского капитализма и постимперского советского социализма. Возврат к ним реакционен и невозможен. Однако, как справедливо продолжает свою мысль Е. С. Линьков, «...с середины XX века происходит насильственное препятствование развитию индивидуального интереса, что в результате привело к утрате государством всеобщей цели. Утрата органического единства всеобщей цели государства и индивидуального интереса уничтожила государственную форму социализма. Государство снова становится особенным, частным. Индивидуальный интерес оказался вне интереса государства, а интерес государства выступил вне интереса индивида. Общество оказывается отчужденным от государства, а государство делает себя отчужденным от общества. В этом заключается основное препятствие исторической реализации момента всеобщего развития в России» [12].

Благодаря диалектическому преодолению вышеуказанного противоречия, Россия впервые разумно объединит духовные принципы субстанциального единства государства и многообразия частных интересов личности и гражданского общества, благодаря чему будет создано разумное соборно-интегральное государство России XXI века. Именно оно будет соответствовать субстанциальности православно-христианского религиозно-этического идеала, а также ценностям традиционных религий России: классическому протестантизму, исламу, иудаизму и буддизму. Именно об этом духовно-универсалистском («пушкинском») «интегрально-соборном» идеале писали русские религиозные мыслители второй половины XIX – первой половины XX века: от Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева [13] до С. Н. Булгакова [5] и С. Л. Франка [14]. Трансформация и профанация этого идеала в советскую эпоху к 1991 году была в основном завершена, что открыло дорогу для его адекватной реализации в наши дни.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Советский нравственный уклад при всей своей внешней секулярности представлял собой своеобразную трансформацию и профанацию традиционного духовно-универсалистского, религиозно-этического идеала соборности, переведенную в плоскость государственной идеологии и подчиненную задачам модернизации. Сила этой системы, так называемой «субстанциальной нравственности», заключалась в ее способности мобилизовать общество на достижение глобальных целей через непосредственное отождествление индивида с государством.

Роковой слабостью и внутренним противоречием системы стало системное отрицание «абсолютного права субъективности» – свободы личной рефлексии, морального выбора и автономии личности.

Подавление субъективной свободы привело к нравственному истощению, кризису легитимности и далее к распаду СССР, который был обусловлен не столько внешними факторами, сколько развитием внутреннего нравственного антагонизма.

Современный этап развития России характеризуется доминированием моральной точки зрения и субъективного произвола, что является закономерной, но односторонней реакцией на тоталитаризм. Задачей настоящего времени является поиск синтеза – воспитание действительно свободной индивидуальности, способной к свободному осознанному служению общему благу, что восходит к религиозно-этическому и общественно-политическому идеалу соборного универсализма (символ «пушкинского» проекта для России), сформулированному еще классиками русской религиозно-философской мысли.

Таким образом, трансформация традиционного религиозно-этического идеала в советском обществе иллюстрирует диалектику: от православной соборности к субстанциальной нравственности, а затем, через профанацию этого идеала в идеологии и практике атеистического социализма и коммунизма, через моральный кризис и разложение этого идеала, – к разумному соборно-интегральному государству России XXI века. Этот процесс не уничтожил христианский идеал, а исказил его,

показав необходимость диалектической гармонии свободы и всеобщности. Современная Россия может извлечь урок: без восстановления духовных оснований нравственность рискует остаться формальной, ведущей к отчуждению. Обращение к наследию русских мыслителей предлагает путь к подлинному нравственному универсализму мощной государственности, преодолевающей наследие советского кризиса.

Список литературы

1. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Лозанна : L'Age d'Homme, 1981. 232 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Азбука, 2020. 224 с.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М. : Эксмо, 2016. 512 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М. : АСТ, 2025. 384 с.
5. Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины : сборник статей о русской революции. 2-е изд. Париж : YMCA-PRESS, 1976. С. 107–169.
6. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1996. Т. 5. С. 31–220.
7. Бердяев Н. А. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М. : Директ-Медиа, 2025. 116 с.
8. Глазкова Л. Метили в коммунизм, а попали в Россию // Парламентская газета. 29.02.2016. URL: <https://www.pnp.ru/politics/metili-v-kommunizm-a-popali-v-rossiyu.html> (дата обращения: 12.09.2025).
9. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. ; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.
10. Маяковский В. В. Хорошо! // Маяковский В. В. Полное собр. соч. : в 13 т. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 8. 460 с.
11. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М. : Республика, 1998. 367 с.
12. Интервью с Евгением Семеновичем Линьковым // *Philosophia perennis* MMVIII. Альманах Санкт-Петербургского общества классической немецкой философии. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008. С. 215–228. URL: http://www.smyrnyh.com/?page_id=141 (дата обращения: 10.10.2025).
13. Соловьёв В. С. Оправдание добра: Нравственная философия М. : Мысль, 1988. 509 с.
14. Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. 511 с.

References

1. Zinoviev A. A. *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as reality]. Lausanne, L'Age d'Homme, 1981. 232 p. (in Russian).
2. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. St. Petersburg, Azbuka, 2020. 224 p. (in Russian).
3. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo* [The Russian idea. Dostoevsky's worldview]. Moscow, Eksmo, 2016. 512 p. (in Russian).
4. Berdyaev N. A. *Smysl istorii. Novoe Srednevekov'e* [The meaning of history. The new Middle Ages]. Moscow, AST, 2025. 384 p. (in Russian).
5. Bulgakov S. N. At the feast of the gods. Pro and contra. Contemporary dialogues. In: *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii. 2-e izd.* [From the depths: Collection of articles on the Russian revolution. 2nd ed.]. Paris, YMCA-PRESS, 1976, pp. 107–169 (in Russian).
6. Il'in I. A. On resistance to evil by force. In: Il'in I. A. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* Sost., vstup. st. i koment. Yu. T. Lisitsy [Collected works: in 10 vols. Comp. Yu. T. Lisitsy]. Moscow, Ruskaya Kniga, 1996, vol. 5, pp. 31–220 (in Russian).
7. Berdyaev N. A. *Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [The new Middle Ages. Reflections on the fate of Russia and Europe]. Moscow, Direct-Media, 2025. 116 p. (in Russian).
8. Glazkova L. They aimed at communism but hit Russia. *Parlamentskaya Gazeta* (Parliamentary Newspaper), 2016, February 29. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/metili-v-kommunizm-a-popali-v-rossiyu.html> (accessed September 12, 2025) (in Russian).
9. Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of right]. Moscow, Mysl', 1990. 524 p. (in Russian).
10. Mayakovsky V. V. Very well! In: *Mayakovskiy V.V. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete collected works: in 13 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1958. Vol. 8. 460 p. (in Russian).
11. Kozlowski P. *Obshchestvo i gosudarstvo: neizbezhnyy duizm* [Society and state: An inevitable dualism]. Moscow, Respublika, 1998. 367 p. (in Russian).
12. Interview with Evgeniy Semenovich Linkov. In: *Philosophia perennis MMVIII: Al'manakh Sankt-Peterburgskogo obshchestva klassicheskoy nemetskoj filosofii* [Almanac of the St. Petersburg Society of Classical German Philosophy]. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2008, pp. 215–228 (in Russian).
13. Solov'yov V. S. *Opravdanie dobra: Nravstvennaya filosofiya* [The justification of the good: Moral philosophy]. Moscow, Mysl', 1988. 509 p. (in Russian).
14. Frank S. L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow, Respublika, 1992. 511 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 15.11.2025
The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 15.11.2025